

Marco Puleri

Narrazioni ibride post-sovietiche

Per una letteratura ucraina di lingua russa

Firenze University Press
2016

Narrazioni ibride post-sovietiche : Per una letteratura ucraina di lingua russa / Marco Puleri. – Firenze : Firenze University Press, 2016.
(Premio Città di Firenze; 53)

<http://digital.casalini.it/9788864533674>

ISBN 978-88-6453-366-7 (print)

ISBN 978-88-6453-367-4 (online)

Progetto grafico: Alberto Pizarro Fernández, Pagina Maestra

Immagine di copertina:

Impaginazione: Alberto Alberti

Certificazione scientifica delle Opere

Tutti i volumi pubblicati sono soggetti ad un processo di referaggio esterno di cui sono responsabili il Consiglio editoriale della FUP e i Consigli scientifici delle singole collane. Le opere pubblicate nel catalogo della FUP sono valutate e approvate dal Consiglio editoriale della casa editrice. Per una descrizione più analitica del processo di referaggio si rimanda ai documenti ufficiali pubblicati sul catalogo on-line della casa editrice (www.fupress.com).

Consiglio editoriale Firenze University Press

G. Nigro (Coordinatore), M.T. Bartoli, M. Boddi, R. Casalbuoni, C. Ciappei, R. Del Punta, A. Dolfi, V. Fargion, S. Ferrone, M. Garzaniti, P. Guarnieri, A. Mariani, M. Marini, A. Novelli, M.C. Torricelli, M. Verga, A. Zorzi.

La presente opera è rilasciata nei termini della licenza Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

CC 2016 Firenze University Press

Università degli Studi di Firenze

Firenze University Press

via Cittadella, 7, 50144 Firenze, Italy

www.fupress.com

Printed in Italy

Интервью с Сергеем Жаданом

В ваших произведениях Харьков играет важную роль. Расскажите о вашей связи с городом и об элементах литературной традиции описания региона, которые повлияли на ваше произведение.

Мою связь с городом можно назвать «случайной связью», потому что я не харьковчанин. Я сюда приехал ещё из Ворошиловградской области – потом она стала Луганской областью. Мне повезло, потому что у меня здесь жила и живёт моя родная тётя, сестра моей мамы, Александра Ковалёва, она поэт и переводчик с немецкого языка, германист. Она член Союза писателей, у неё вышло в начале 80-х две книги. У меня в семье был живой писатель. Она мне всегда что-то подсказывала, давала литературу и как бы стимулировала меня к тому, что нужно писать. Я уже в детстве понимал, что писать это хорошо, что этого не нужно стыдиться, не нужно прятать это. Я к ней ещё школьником приезжал время от времени сюда в гости, на каникулы. И, конечно, для меня это всегда был огромный культурный допинг, потому что я приезжал – и здесь были огромные книжные магазины, здесь были литературные вечера, здесь были живые писатели, с которыми она меня знакомила. Я всегда возвращался домой с полными сумками книг и пластинок, винила. Когда встал вопрос, куда ехать после школы, для меня этот вопрос очень легко решился, я приехал в Харьков. Я поступил сюда в Педагогический институт, ну и учился здесь.

Для меня Харьков это, прежде всего, Харьков 1920-х годов. Я приехал и сразу же попал в литературный музей, есть у нас такой. Его открыли в 1988 г., и там была огромная выставка, посвящённая украинской литературе 1920-30-х годов. Это такой страшно интересный период нашей литературы, возможно, самый яркий и самый динамичный. Это был период украинизации и репрессий 30-х годов, он продлился где-то до 1937 года, когда почти всех их уничтожили. Для меня культурный Харьков это, прежде всего, 20-30-е годы, столичный период, это очень яркая плеяда писателей. Уже потом, немного позже, я для себя открыл, например, Харьков Лимонова, Харьков Чичибабина, Харьков Бориса Слуцкого, Харьков, который присутствовал в русской литературе. Потом я знакомился всё с большим количеством живых писателей. Собственно, с тех пор я здесь и живу.

4. «Verso una lingua comune».

Intervista con Serhij Žadan

Traduzione a cura di Valentina Rossi

Nelle sue opere Charkiv ha un ruolo importante. Ci può parlare del suo legame con la città e degli elementi della tradizione letteraria relativi alla descrizione della regione che hanno influito sulla sua opera?

Il mio legame con la città si può definire ‘casuale’, perché io non sono di Charkiv. Sono arrivato qui dalla regione di Vorošylovhrad (che poi è diventata la regione di Luhans’k). Sono stato fortunato, perché qui viveva e vive una mia zia, sorella di mia madre, Aleksandra Kovalëva, che è poetessa e traduttrice dal tedesco – una germanista. È membro dell’Unione degli Scrittori, e all’inizio degli anni Ottanta sono usciti due suoi libri. Avevo uno scrittore vivente in famiglia. Mi dava sempre consigli, mi dava da leggere ed era come se mi stimolasse sempre sul fatto che bisogna scrivere. Già da piccolo capivo che scrivere è un bene, che non bisogna vergognarsene, non bisogna nascondere. Quando ero ancora uno scolaro venivo qui da lei di quando in quando per farle visita, per le vacanze. E, ovviamente, per me rappresentava sempre uno stimolo culturale enorme: perché arrivavo e... qui c’erano librerie enormi, serate letterarie, e scrittori viventi che lei mi presentava. Tornavo sempre a casa con le borse piene di libri e dischi di vinile. Quando si pose la questione di dove andare dopo la scuola, la cosa per me fu molto facile da risolvere e venni a Charkiv. Mi iscrissi all’Istituto di pedagogia e qui completai gli studi.

Per me Charkiv è, prima di tutto, la Charkiv degli anni Venti. Una volta arrivato, subito capii al Museo Letterario – da noi c’è un museo con questo nome. Lo avevano aperto nel 1988: c’era un’enorme esposizione dedicata alla letteratura ucraina degli anni Venti-Trenta del Novecento. È stato un periodo interessantissimo della nostra letteratura, forse il più brillante e dinamico: il periodo dell’ucrainizzazione e delle repressioni degli anni Trenta, durato fino al 1937, quando furono eliminati praticamente tutti. Per me la cultura di Charkiv si identifica innanzitutto con gli anni Venti-Trenta, il periodo in cui era la capitale, con la sua luminosissima costellazione di scrittori. Soltanto dopo, poco più tardi, ho scoperto, ad esempio, la Charkiv di Limonov, la Charkiv di Čičibabin, la Charkiv di Boris Sluckij: la Charkiv che era presente nella letteratura russa. In seguito, ho fatto conoscenza con una quantità sempre maggiore di scrittori viventi. In sostanza, è da allora che vivo qui.

Ваше творчество является манифестом поколения, которое называют «поколение бездомных». Память о прошлом, о своей личной истории представляет собой важный элемент процесса самосознания. Ваши персонажи стараются понять перемены, произошедшие в их жизни, чтобы интерпретировать изменения самой истории. Расскажите, пожалуйста, о данном элементе вашего творчества.

Сам этот термин «поколения бездомности», он такой... несколько притянут за уши, несколько надуманный, не очень натуральный. Я согласен с тем, что да, я пишу о своем поколении, начиная с «Депеш мод» и заканчивая моей последней книгой. Мои герои становятся всё более взрослыми, т.е. этот процесс нормального взросления – он да, там присутствует, мне это интересно. Понятно, что большинство писателей пишут о себе. Я тоже пишу о себе, но как бы не о себе конкретно, а о поколении, о тех людях, которых я, наверное, просто лучше всего чувствую. Потому что со мной же происходят приблизительно те же процессы.

Но я бы не назвал нас «бездомными», потому что как раз наоборот, мы-то родились ещё в очень жёсткой, очень устоявшейся системе, в советской системе, и у нас, как раз, с домами всё было хорошо. У нас были семьи, у нас были дома, у нас была какая-то детская стабильность, детская устоячивость, детское счастье, условно говоря. Мы ничего не знали, например, о войне в Афганистане, но мы ходили в нормальные детские садики, в нормальные школы и получали бесплатные завтраки. Потом всё это исчезло, но семьи-то никуда не исчезли. То есть это не бездомность, просто это всё пришлось на действительно очень сложные времена, на период трансформации. А такие периоды истории, они, как правило, самые худшие в плане выживания, в плане быта, но, наверное, самые интересные в плане взросления, в плане приобретения какого-то опыта.

Поэтому, с одной стороны, это было очень сложно, и у меня, например, никогда не было никакой ностальгии по 90-м, но с другой стороны, я очень благодарен тем людям, с которыми я познакомился за эту школу жизни. Наверное, у большинства моих персонажей есть это клеймо человека, который прошёл через 90-е. Мне до сих пор все говорят: «Ну сколько можно писать о 90-х!», не замечая, что я о них уже давно не пишу. Например, «Ворошиловград» – это же не роман о 90-х, там события происходят в 2000-х. Но многие читатели и многие критики всё равно считают, что это 90-е. Ещё есть такой интересный эффект, такой парадокс, что 90-е на самом деле возвращаются в Украину сейчас, возвращаются в политическом плане, в социальном, в финансовом – мы стоим на пороге дефолта, которым нас пугают уже второй или третий год. И в каком-то даже эстетическом плане, потому что эта эстетика бандитизма как некоего истэблшмента, то, что было мейнстримом в 90-е и исчезло в 2000-е, сейчас опять возвращается, сейчас опять модно быть бандитом. Это модно, это престижно – это 90-е. И когда ты об этом пишешь, все думают, что ты опять вспоминаешь 90-е. А я не пишу о 90-х. Например, в «Ворошиловграде» бандиты – это уже бандиты начала 2010-х, это бандиты, которые пришли после экономического кризиса 2008 года. Они лучше одеваются, чем одевались бандиты в 90-х годах, они более воспитаны, наверное, они экономически более подкованы, т.е. у них более хитрые финансовые схемы, но всё равно это бандитизм, это рэкет, это вымогательство, это крышевание какого-то бизнеса, это обслуживание неких политических структур – это тот же бандитизм, просто более цивилизованный.

La sua opera è il manifesto di quella che è stata definita come 'la generazione dei senzatetto'. La memoria del passato, della propria storia personale rappresenta un elemento importante del processo di autocoscienza. I suoi personaggi tentano di comprendere i mutamenti avvenuti nella loro vita per interpretare i cambiamenti avvenuti nella storia stessa. Ci può raccontare di questo elemento della sua opera?

Questo termine – ‘generazione dei senzatetto’ – già di per sé è... un po’ tirato per i capelli, un po’ artificioso, non molto naturale. Concordo sul fatto che sì, scrivo a proposito della mia generazione, a cominciare da *Depeche mode* per finire con il mio ultimo libro. I miei eroi diventano sempre più adulti, vale a dire che questo processo di normale maturazione, sì, è presente, è una cosa che mi interessa. È chiaro che la maggior parte degli scrittori scrive a proposito di sé. Io pure scrivo su di me, ma è come se non scrivessi concretamente su di me, bensì su una generazione, sulle persone che, probabilmente, riesco a sentire semplicemente meglio di ogni altra cosa. Perché anche a me è accaduto più o meno lo stesso.

Non ci definirei però dei ‘senzatetto’, perché in realtà era proprio il contrario: siamo nati in un sistema ancora molto rigido, molto stabile, nel sistema sovietico, e in quanto ad abitazioni, per l’appunto, eravamo messi bene. Avevamo una famiglia, una casa. Avevamo quella stabilità, quella sicurezza propria dei bambini: la felicità dell’infanzia, per così dire. Non sapevamo nulla, ad esempio, della guerra in Afghanistan, ed andavamo normalmente all’asilo, a scuola, ed avevamo la nostra colazione gratuita. Poi tutto questo è scomparso, ma quelle famiglie non sono affatto scomparse. Non si tratta di una condizione da vagabondi, ma semplicemente erano arrivati tempi molto duri. Era un periodo di trasformazione. E questi periodi della storia, di norma, sono i peggiori in termini di sopravvivenza, ma forse i più interessanti in termini di crescita, per l’acquisizione di una certa esperienza.

Per questo, da un lato, fu tutto molto difficile, e io, ad esempio, non ho mai provato nessuna nostalgia per gli anni Novanta; d’altra parte, però, provo molta riconoscenza per le persone che ho avuto modo di incontrare in quella scuola di vita. Probabilmente la maggior parte dei miei eroi porta il marchio dell’uomo che ha vissuto gli anni Novanta. Ancora adesso tutti mi dicono: «Quanto ancora puoi scrivere sugli anni Novanta?!», senza accorgersi che già da tempo non scrivo più su questo. *Vorošylovhrad*, ad esempio, non è un romanzo sugli anni Novanta. La storia si dipana negli anni Duemila. Nonostante questo, molti lettori e critici pensano comunque che si parli degli anni Novanta. Inoltre, si nota un interessante fenomeno, un paradosso: gli anni Novanta, in realtà, ritornano nell’Ucraina odierna, su di un piano politico, sociale ed economico: ci troviamo sull’orlo del default – cosa con cui ci spaventano già da due o tre anni. E persino sul piano estetico, in virtù del fatto che l’estetica del banditismo rappresenta una sorta di istituzione. Ciò che rappresentava il *mainstream* degli anni Novanta ed era scomparso negli anni Duemila, ritorna nel presente. Oggi è di nuovo di moda essere un criminale. È di moda, è prestigioso: sono gli anni Novanta. E quando scrivi su questo, tutti pensano che stai di nuovo ricordando gli anni Novanta. Ma non è quello di cui scrivo. In *Vorošylovhrad*, ad esempio, i banditi sono già quelli dell’inizio del 2010, sono banditi arrivati dopo la crisi economica del 2008. Si vestono meglio di come si vestivano i banditi degli anni Novanta, sono più educati, ed è probabile anche che siano economicamente più ferrati, cioè che abbiano delle strategie finanziarie più ingegnose, ma si tratta comunque di banditismo, di racket, di estorsione, di protezione delle attività commerciali, di servizi prestati per conto di strutture politiche: sempre di banditi si tratta, solo dall’aspetto più civile.

В литературе есть такая тенденция необходимости рассказать о том, как всё изменилось, как всё это произошло?

Мне интересно, да. Потому что взять и начать придумывать себе историю о современных двадцатилетних, что они чувствуют (хотя это тоже очень интересно), я до сих пор был не готов. Я сейчас закончил новую книгу, и она о людях моего поколения, т.е. тех, кому уже за 30 лет. Это люди, которые уже реализовались или не реализовались и уже не реализуются в этой жизни. Это люди с устоявшимися принципами, с устоявшимися взглядами на жизнь, с положительным или отрицательным опытом – но с опытом. Они уже не ищут, они уже что-то нашли и пытаются что-то защитить. События в этой книге происходят сейчас, вот прямо сейчас: в этом году, в прошлом году, в позапрошлом году. Это то, что происходит на наших улицах прямо теперь, в эти дни.

Но у меня есть идея, я думаю, что если всё будет нормально, то следующий роман я буду писать именно о тех, кому сегодня 20 лет. Мне очень интересно написать роман об украинских правых. Это радикально правая молодежь. Я не хочу их называть фашистами. Многие, большинство их называют фашистами, но все-таки фашизм – это, скорее, более политическая ориентация, это членство в каких-то политических партиях. Правое мировоззрение, оно всё-таки более широкое. Оно мне очень не близко, я всё-таки стою на позициях более левых, например, анархо-коммунистических. Но мне интересен сам феномен, потому что феномен действительно есть. В Украине в последнее время правые очень актуализировались, они даже в парламенте сейчас, и это происходит не только на Западной Украине. Если вы пойдете на футбольный стадион в Харькове, Донецке или Днепропетровске, там будут стоять молодые люди, которые между собой иногда разговаривают по-украински, которые поют песни о Бандере, которые кричат: «Героям слава!» – «Слава Украине!» Мне как писателю – не только как писателю, как гражданину, – это очень интересно, мне хочется понять, почему сегодняшние молодые люди, которые выросли тут, испытывают потребность именно в правой идее, почему они, выросшие в русскоязычных городах, например, в Харькове, переходят на украинский, становятся членами этих радикальных правых организаций.

Я левый, и я думаю, что здесь дело не в идеологии, а, прежде всего, в социальных проблемах. Когда всё плохо, когда нет стабильности, когда просто плохо твоей семье, твоим друзьям, экономически плохо, финансово плохо, ты пытаешься что-то в этом мире изменить.

И очень легко тебе навязывается образ врага. А враг кто? – Враг чужой. Человек с другой кожей, человек с другой идеологией, человек другой национальности. Это всё просто, но всё равно, это интересно. Когда мне было 17 лет, я некоторое время тоже общался в кругу харьковских националистов, правых. Мне казалось, что да, вот это так, что украинец должен быть правильным. Только так, и никак иначе. Но у меня это всё очень быстро прошло. В какой-то момент я понял, что на самом деле это всё закрытая структура, закрытое общество, это такое гетто. Где-то собираются молодые накачанные ребята с бицепсами и говорят о врагах и о том, как они любят Украину. Потом они выходят на улицу и переходят на русский язык, т.е. вся эта любовь исчезает. На самом деле это такая закрытая структура, которая ни к чему не ведёт и ничего не меняет. Это так не по-честному, как клуб анонимных алкоголиков. С тех пор мне это было

C'è in letteratura una tendenza legata al bisogno di raccontare come sia cambiato tutto e come ciò sia avvenuto?

A me interessa, sì. Perché partire da zero e cominciare a inventarsi una storia sui ventenni di oggi, su cosa sentono (sebbene anche questo sia molto interessante), è qualcosa che fino ad ora non sono stato pronto a fare. Ho appena terminato un nuovo libro, ed è sulla mia generazione, cioè su chi ha già più di trent'anni. Persone che si sono già realizzate, oppure che non si sono realizzate e non avranno più modo di farlo in questa vita. Persone dai solidi principi, con una visione del mondo consolidata, con un'esperienza positiva o negativa... ma comunque persone d'esperienza. Queste persone non sono più alla ricerca di qualcosa: l'hanno già trovata e tentano di difenderla. Gli avvenimenti descritti in questo libro si stanno verificando qui e ora: quest'anno, l'anno scorso, due anni fa. È ciò che succede nelle nostre strade proprio adesso, in questi giorni.

Ma ho un'idea e penso che, se tutto andrà bene, il prossimo romanzo lo scriverò appunto su quelli che oggi hanno vent'anni. Mi interessa molto scrivere un romanzo sui giovani ucraini di destra. Si tratta di giovani di estrema destra – non voglio chiamarli fascisti. Molti, i più li chiamano fascisti: tuttavia il fascismo è, direi, un orientamento di tipo più politico, l'appartenenza a un partito politico. La visione del mondo propria della destra è invece più ampia. Non mi è molto affine, io condivido invece posizioni più vicine alla sinistra, ad esempio alle idee anarco-comuniste. Mi interessa il fenomeno in quanto tale, perché il fenomeno effettivamente esiste. In Ucraina negli ultimi tempi la destra è diventata molto attuale, è addirittura presente in parlamento adesso, e questo succede non soltanto nell'Ucraina Occidentale. Se Lei va allo stadio di calcio di Charkiv, Donec'k o Dnipropetrovs'k, troverà dei giovani che tra di loro ogni tanto parlano in ucraino, che cantano canzoni su Bandera, che gridano: «Onore agli eroi!», «Onore all'Ucraina!». A me, come scrittore, – e non solo come scrittore, anche come cittadino – questo interessa molto, desidero capire perché i giovani di oggi, che sono cresciuti qui, sentano la necessità di condividere proprio quell'ideologia di destra; perché loro, che sono cresciuti in città di lingua russa, ad esempio, a Charkiv, passino all'ucraino e diventino membri di queste organizzazioni di estrema destra.

Io sono di sinistra e penso che qui non si tratti di ideologia, bensì innanzitutto di problemi di carattere sociale. Quando tutto va male, quando non c'è stabilità, quando la tua famiglia, i tuoi amici stanno davvero male, male economicamente, male finanziariamente, allora cerchi di cambiare qualcosa in questo mondo.

Ed è facile che ti si presenti l'immagine del nemico. Ma il nemico chi è? Il nemico è l'altro. Una persona con un diverso colore di pelle, una persona con una diversa ideologia, una persona di diversa nazionalità. È tutto molto semplice, eppure sempre di grande interesse. Quando avevo diciassette anni, per un po' di tempo anche io ho frequentato la cerchia dei nazionalisti, quelli della destra di Charkiv. Mi sembrava che, sì, davvero, un ucraino dovesse essere fedele alle regole: solo così, e in nessun altro modo. Però, è un'idea che in me è andata scomparendo molto in fretta. A un certo punto ho capito che in realtà si tratta di una struttura chiusa, di una società chiusa – una sorta di ghetto. Da qualche parte si riuniscono dei ragazzi pompati, con i bicipiti in evidenza, e parlano di nemici e di come essi amino l'Ucraina. Poi escono fuori in strada e passano al russo: tutto quell'amore, cioè, sparisce. È proprio quel tipo di struttura chiusa che non porta da nessuna parte e che non cambia nulla. Qualcosa che

не близко, я это никогда не поддерживал. А вот прошло двадцать лет, и я вижу, что для многих молодых ребят, для сегодняшних двадцатилетних, ничего не изменилось. Для них дальше единственный выход их энергии, какого-то их недовольства, недовольства выливается в правую идею, идею такого правого радикализма. Вот это мне непонятно.

Я вижу, что это происходит и в России...

Да, но в России вместе с тем очень активизируется и левое движение. А у нас левое движение не активизируется, у нас левые очень слабые, они очень герметичные, такие кабинетные. У нас уличных левых до сих пор нет. Ну, в Киеве есть, конечно, ультрас «Арсенала», антифашисты, а у нас их очень мало. Это была единственная такая уличная группа, уличное сообщество, которое выражало левую идею. Потому что нельзя, например, назвать левыми украинских коммунистов, коммунистическую партию Украины, официальных наших левых. Они не левые – это партия олигархов, которые спекулируют на постсоветской ностальгии и на марксистской атрибутике. Это всё. Всё, что у них есть левого – это красный флаг.

Может быть, это наследие советского периода?

Понимаете, я не уверен... Это плохо прозвучит, но я думаю, что это всё-таки такие ментальные штуки. Потому что у поляков тоже было это наследие советской системы, но в 1981 году «Солидарность» организовалась, и поляки свои проблемы решали сообща. И чехи, и другие... Я понимаю, что у них там и социализм был с 1945 года, не социализм, а квазисоциализм, назовём это так, чтобы быть более объективными. У них не было Голодомора, у них не было чисток 30-х годов, но всё равно восточноевропейские общества, восточноевропейские страны нельзя сравнить с нами по способам решения своих проблем. А мы, восточные славяне, белорусы, русские, украинцы – это просто беда. Я понимаю, что есть этот термин «постсоветское наследие», «постсоветский посттоталитарный травматизм», всё это красиво и хорошо, но с момента распада Советского Союза прошло больше 20 лет, родилось и даже выросло новое поколение. И это новое поколение на самом-то деле, ментально, как мне кажется, мало чем отличается даже от нас, я уже не говорю от них. Нет, даже от наших отцов. Потому что сейчас, например, мы сидим в Харькове, и через квартал отсюда находится площадь Свободы. На этой площади Свободы наша городская власть время от времени организовывает концерты, гуляния, митинги в поддержку своих инициатив, и туда регулярно выгоняют студентов – и студенты регулярно туда позволяют себя выгонять. Это люди, которые родились уже в независимой стране, которые не помнят ни КГБ, ни комсомола, ни ГУЛАГа – всего этого они не помнят, не знают, они этого не застали. Они росли уже в реалиях дикого капитализма, уже на фоне всей этой реализации неолиберального проекта. Но в их поведении ничего не изменилось. Даже, возможно, в *наши* студенческие годы студенчество было более независимым. А это, как мне кажется, такая страшно показательная вещь – поведение студенчества, градус его активности и градус его независимости. Когда студенчество, молодые люди, которым по 17 лет, которым нечего терять,

ha così poco di sincero... tipo un'associazione di alcolisti anonimi. Da allora tutto ciò mi è stato estraneo e non l'ho mai più sostenuto. Ed ecco che sono passati venti anni e vedo che per molti giovani, per i ventenni di oggi, non è cambiato niente. Per loro d'ora in avanti l'unico canale di sfogo della loro energia, di una loro insoddisfazione, di un loro malcontento, sarà riversare tutto questo in un'ideologia di destra, l'ideologia della destra radicale. Ecco, è questo che non capisco.

Vedo che ciò succede anche in Russia...

Sì, ma in Russia al tempo stesso si attivano anche i movimenti di sinistra. Da noi invece i movimenti di sinistra non si attivano, la sinistra è molto debole, molto ermetica, una sinistra astratta, da eruditi. Da noi dei movimenti di sinistra nati dal basso fino ad ora non ce ne sono stati. Certo, a Kyjiv ci sono gli estremisti dell'Arsenal, gli antifascisti, ma da noi sono molto pochi. Quest'ultimo è stato l'unico gruppo, l'unica comunità nata dal basso, ad esprimere idee di sinistra. Giacché è impossibile, ad esempio, definire 'di sinistra' i comunisti ucraini – il partito comunista d'Ucraina, la nostra sinistra ufficiale. Loro non sono di sinistra: sono il partito degli oligarchi, che speculano sulle nostalgie post-sovietiche e sugli emblemi marxisti. E basta. L'unica cosa di sinistra che hanno... è la bandiera rossa.

Forse questa è un'eredità del periodo sovietico?

Lo sa, non se sono convinto... Le sembrerà brutto, ma io penso che si tratti piuttosto di un fatto mentale. Giacché pure i polacchi avevano quest'eredità del sistema sovietico con cui fare i conti, ma nel 1981 è nata Solidarność, e i polacchi i loro problemi li hanno risolti tutti insieme. Anche i cechi, e gli altri... Lo so che lì il socialismo è arrivato solo nel 1945 – e non il socialismo vero e proprio ma un simil socialismo, se così vogliamo chiamarlo, per essere più obbiettivi. Non hanno vissuto il *Holodomor*, né le purghe degli anni Trenta, eppure non possiamo comunque confrontare le società dell'Europa orientale, i paesi dell'Europa orientale con noi in quanto a capacità di risolvere i propri problemi. Invece, noi, gli slavi orientali – bielorusi, russi e ucraini – siamo semplicemente un disastro. Capisco che esiste il termine 'eredità post-sovietica', 'trauma post-sovietico e post-totalitario', e tutto ciò è bello e buono, ma dall'epoca del crollo dell'Unione Sovietica sono passati venti anni, una nuova generazione è nata ed è anche cresciuta. E questa nuova generazione, in realtà, mi sembra che come mentalità non si distingua molto neanche dalla nostra, per non parlare della loro... No, non si distingue neanche da quella dei nostri padri. Perché ora, ad esempio, noi siamo qui a Charkiv, e un isolato più in là c'è Piazza della Libertà. Su questa Piazza le nostre autorità cittadine ogni tanto organizzano dei concerti, delle celebrazioni, degli incontri a sostegno delle loro iniziative, e regolarmente ci spediscono gli studenti... e regolarmente gli studenti accettano di essere spediti lì. Si tratta di persone nate in un paese che era già indipendente, che non hanno ricordi del KGB, né del *Komsomol*, né del gulag: non lo ricordano, non lo conoscono, non hanno fatto in tempo a vederlo... Sono nati già nel contesto di un capitalismo selvaggio, già sullo sfondo della messa in opera del progetto neoliberista. Ma nel loro comportamento non è cambiato niente. Anzi, forse nei *nostri* anni di università gli studenti erano più indipendenti. E questo, mi pare un fatto estremamente indicativo: il comportamento degli studenti, il grado

кроме места в группе, позволяют себя выгонять, позволяют собой манипулировать, это очень плохо свидетельствует о самом обществе. А в Харькове это тем более печально. Это наша партия власти. А как их обозначить идеологически я даже не знаю, потому что у них нет идеологии. Потому что Партия регионов – они либералы. Ну, они декларируют некие очень абстрактные демократические ценности, так же, как и партия «Батьківщина», так же как и партия «Удар». Это не партии, это бизнес-проекты. У них нет идеологии, у них есть бизнес-планы. То есть речь даже не о правых, речь об этих партиях власти. В данном случае у нас Партия регионов, которая просто использует так называемый административный ресурс и выгоняет студентов на площади, выгоняет бюджетников, т.е. людей, которые работают на государство. А после того, как тебя выгоняют на площадь – ты позволяешь, чтобы тебя выгнали, ты выражаешь поддержку, ты позволяешь, чтобы тебя выгнали на выборы, ты голосуешь за того, за кого тебе сказали – ты не имеешь права высказывать какие-то претензии к этому государству, к этой власти. Ты же сам это всё легитимизируешь, ты сам часть этой системы. Ты не имеешь права никого критиковать, после того, как ты раз пошёл на компромисс. Всё, до тех пор, пока ты не выйдешь, пока ты не будешь протестовать – ты часть этой системы и у тебя нет права не критику. И вот эта связанность, круговая порука, это даже не постсоветский какой-то синдром, это советский синдром, это Советский Союз в его наихудших выражениях.

Какое отношение, например, к идее Евро-интеграции?

Дело в том, что во всём этом очень много политики, очень много идеологии. Я говорю, в принципе, скажем, об ориентации украинцев на Запад или на Восток. Многие украинцы готовы как угодно идеализировать Европу. Вы, наверное, это видели, что вот в этом украинском, украиноязычном интеллектуальном обществе присутствует русофобия. Это странно, потому что большинство из них не националисты, это, скорее, либералы, но их либерализм очень странно в себя впитывает эту русофобию, неприятие этого восточного вектора. Это странно, это действительно очень часто принимает какие-то такие националистические формы, и для меня лично это очень непонятно. Я не являюсь фанатом России, и я не являюсь фанатом ЕС. Мне вообще кажется, что украинцы, прежде чем куда-то интегрироваться, должны научиться жить друг с другом. У нас же в стране такое впечатление, что идёт тихая и бескровная гражданская война. Восток ненавидит Запад, Запад ненавидит Восток, Крым ненавидит всех, и все ненавидят Крым. И эта страна, которая не имеет совершенно никакой консолидации внутри, которая не имеет никаких объединяющих форм, пытается куда-то интегрироваться. Это невозможно.

di attività e di indipendenza che hanno. Quando degli studenti, dei ragazzi che hanno diciassette anni e niente da perdere – tranne un posto nel gruppo – permettono che qualcuno li spedisca da qualche parte, permettono che qualcuno li manipoli, è un pessimo indizio riguardo a quella stessa società. E a Charkiv ciò è tanto più triste. Qui si tratta del nostro partito al potere. E non saprei neanche come definirlo dal punto di vista ideologico, perché non ha un'ideologia. Perché quelli del Partito delle regioni sono dei liberali. Beh, loro dichiarano di sostenere dei valori democratici piuttosto astratti, come fa il partito *Bat'kivščyna*, e come fa anche il partito *Udar*¹. Non sono dei partiti, ma dei business plan. Non hanno un'ideologia, ma dei progetti imprenditoriali. Non stiamo cioè parlando nemmeno di partiti di destra, stiamo parlando di partiti, gruppi di potere. Nel nostro caso è il Partito delle regioni, che, semplicemente servendosi delle cosiddette risorse amministrative, spedisce gli studenti, e anche i lavoratori a budget – cioè le persone che lavorano per lo stato – in piazza. E dopo che ti hanno spedito in piazza, non ti opporrai, mostrerai il tuo sostegno, permetterai che ti spediscano a votare, e voterai per chi ti hanno indicato loro: tu non hai il diritto di esprimere delle critiche nei confronti di questo stato, di questo potere. Tu stesso hai legittimato tutto questo, tu stesso sei parte di questo sistema. Non hai il diritto di criticare nessuno, dopo che hai accettato il compromesso. È fatta, e fino a che non ne uscirai, fino a che non protesterai... sei una parte di questo sistema e non hai diritto di critica. Ecco, questa compromissione, questa responsabilità collettiva, non è neanche una sindrome postsovietica, è una sindrome sovietica, è l'Unione Sovietica nelle sue peggiori manifestazioni.

Qual è, ad esempio, l'atteggiamento nei confronti dell'idea dell'integrazione europea?

Il fatto è che la questione è molta politica, ideologica. Parlo, per così dire, di un orientamento degli ucraini verso l'Ovest o verso l'Est. Molti ucraini sono disposti a idealizzare in ogni modo l'Europa. Lei probabilmente avrà visto come nell'ambiente intellettuale ucraino, ucrainofono, si possa percepire una certa russofobia. È strano, perché per la maggior parte non si tratta di nazionalisti, ma piuttosto di liberali, ma il loro liberalismo assai singolarmente assorbe in sé questa russofobia, il rifiuto di quel vettore orientale. È strano, effettivamente molto spesso questo rifiuto assume forme di stampo nazionalistico: anche a me personalmente la cosa risulta assai poco comprensibile. Non sono un fan della Russia, né dell'Unione Europea. A me sembra che gli ucraini, prima di integrarsi con qualcosa, debbano imparare a vivere l'uno con l'altro. Si ha l'impressione che nel paese vada avanti una guerra civile, silenziosa e senza spargimento di sangue. L'Est odia l'Ovest, l'Ovest odia l'Est, la Crimea odia tutti, e tutti odiano la Crimea. E questo paese che non si è ancora consolidato, che non ha nessuna forma unificante al suo interno, vuole integrarsi con qualcosa. È impossibile.

¹ In questo passaggio dell'intervista, lo scrittore ucraino fa riferimento ai partiti che riscuotevano maggiori consensi nel 2013: *Partija Rehioniv* – il Partito delle Regioni, fondato nel 2007 dall'allora presidente Viktor Janukovyč; *Bat'kivščyna* – Patria – sotto la guida dell'ex premier Julija Tymošenko; *Udar* – Alleanza Democratica Ucraina per la riforma – guidato dall'ex pugile Vitalij Klyčko, e successivamente sciolto nel 2015.

В современной Украине проблема принадлежности к определённой культурной и национальной идентичности представляет собой очень сложный вопрос. Ваш двуязычный проект с русскоязычной писательницей Лузиной «Палата №7», Ростислав Семкив определил как «культурную капитуляцию». Что вы думаете о современном украинском контексте и на культурном уровне как бы вы охарактеризовали эту ситуацию?

Ну, вы вспоминали уже сегодня Семкива, я бы не видел в этой его статье какой-то стратегии. Мне кажется, там есть некая реакция на сиюминутный политический момент. Он там пишет где-то, что «в последнее время участились случаи», «что принятие закона о языках – это следствие новой политики». На самом деле – ничего подобного, потому что я с русскими или украинскими русскоязычными писателями работаю лет десять, я их перевожу, я их приглашаю на какие-то фестивали, которые я делаю, я с ними делаю даже книги, т.е. это у меня не первая книга с русскоязычным писателем, у меня есть такой сборник, называется «Кордон» («Граница»), там три поэта: я, Андрей Поляков из Симферополя (как мне кажется, это вообще один из самых интересных поэтов) и Игорь Сид. Это такой «человек и пароход», он родился в Днепропетровске, вырос в Крыму в Керчи, сейчас, последние двадцать лет, живёт в Москве. Это, фактически, тот человек, который познакомил современную украинскую литературу с современной русской, он сделал большой фестиваль «Южный акцент» в 1999 году, где было около ста писателей из Украины и из России. Он как бы навёл первый мост, потому что в 90-х годах все связи оборвались, и была только идеологическая вражда. Сид показал, что политика – политикой, есть Ельцин, есть Кучма, а есть писатели, которым, на самом деле, интересно быть друг с другом, и это не обязательно геополитика. У меня был такой сборник, у меня были ещё какие-то книги, я никогда не был русофобски настроенным. Ростислав этого, наверное, или не знал, или не видел. Я понимаю, он среагировал на эту книгу, потому что Лузину многие знают, она такой известный поп-персонаж. Это наш проект, он рекламировался, и он на это среагировал.

Но на самом деле у меня нет к нему никаких претензий. Я понимаю, что это следствие и часть этого постоянного конфликта и противостояния внутри страны, это то, о чём мы сегодня говорили. Украинцы не могут понять, что они за страна, что это за страна. А страна давно уже не моноязычная, здесь говорят на разных языках, большинство говорит на украинском и на русском. И пишут, соответственно, на украинском и на русском. Ну, можно это игнорировать, можно делать вид, что люди, пишущие на русском, говорящие на русском – это какие-то не такие украинцы.

Критики говорят, например, что это маргиналы культуры. Лотман, сказал, что маргинальные культуры являются основой развития данной культуры.

На самом деле да, у меня тоже есть любовь к маргиналам... А с другой стороны, это не совсем верно. Вот смотрите, у нас есть в Харькове такой поэт Илья Риссенберг, он еврей, это понятно по его фамилии. Пишет он по-русски. И он является очень ярким украинским патриотом, конечно, не националистом, но он всегда поддерживает какие-то проукраинские акции. Он здесь живёт, он здесь

Nell'Ucraina contemporanea il problema dell'appartenenza a una data identità culturale e nazionale è una questione molto complessa. Il suo progetto bilingue Palata №7 con la scrittrice Lada Luzina è stato definito da Rostyslav Semkiv una «capi-tolazione culturale». Cosa pensa dell'attuale contesto ucraino e come definirebbe a livello culturale questa situazione?

Beh, lei ha già menzionato oggi Sëmkiw, e io non direi che per quel suo articolo abbia avuto una qualche strategia. Mi sembra che in esso ci sia una reazione al momento politico contingente. A un certo punto, Sëmkiw scrive che «negli ultimi tempi si sono intensificati gli episodi», che «l'approvazione della legge sulle lingue è la conseguenza di una nuova politica». In realtà no, non è affatto vero, perché io lavoro con scrittori russi e scrittori ucraini di lingua russa da circa dieci anni. Traduco le loro opere, li invito ai festival che organizzo, e ci scrivo persino dei libri insieme; vale a dire che questo non è il mio primo libro con uno scrittore di lingua russa. Tra questi c'è una raccolta di poesie, intitolata *Kordon*, cui partecipano tre poeti: io, Andrej Poljakov di Simferopol' (che considero uno dei poeti più interessanti) e Igor' Sid. Quest'ultimo è un majakovskiano «piroscafo e uomo»², una vera autorità: è nato a Dnipropetrovs'k, è cresciuto a Kerč in Crimea, e ora, negli ultimi vent'anni, vive a Mosca. Si tratta della persona che ha fatto conoscere la letteratura ucraina contemporanea a quella russa: ha organizzato un grande festival intitolato *L'accento del Sud* nel 1999, cui hanno partecipato all'incirca cento scrittori provenienti dall'Ucraina e dalla Russia. È come se avesse costruito un primo ponte, perché negli anni Novanta tutti i rapporti erano stati interrotti, ed esisteva solo una situazione di faida ideologica. Sid dimostrò che la politica riflette questioni completamente diverse da quelle letterarie. Esistono El'cin e Kučma, ma esistono anche scrittori cui interessa stare insieme, e non per forza si tratta di geopolitica. Ho partecipato a quella raccolta di poesie, ho partecipato anche ad altri progetti editoriali, e non ho mai avuto un atteggiamento russofobo. Rostyslav probabilmente questo non lo sapeva o non lo ha colto. Lo capisco, la sua è stata una reazione a questo libro, perché Lada Luzina la conoscono in molti, è un'icona pop ben nota. Si tratta di un nostro progetto, lo abbiamo reclamizzato, e lui ha reagito.

Ma in realtà io non ho nessuna critica da muovergli. Comprendo che si tratta di una conseguenza e di una parte integrante di quel costante conflitto e di quella costante contrapposizione che esistono all'interno del nostro paese – ciò di cui parlavamo oggi. Gli ucraini non riescono a capire qual è il loro paese e come deve essere quel paese. Il paese però già da molto tempo non è monolingue, qui si parlano molte lingue e la maggior parte della popolazione parla ucraino e russo. E scrive in ucraino e in russo. Ma possiamo ignorarlo, e credere che le persone che scrivono in russo, e parlano in russo, non siano propriamente ucraine.

I critici dicono, ad esempio, che si tratta di fenomeni culturali marginali. Lotman disse che le culture marginali sono la base dello sviluppo di una data cultura.

In effetti sì, anche io amo i fenomeni marginali... D'altro canto però, questo approccio non è del tutto vero. Vede, ad esempio, da noi a Charkiv c'è un poeta, Il'ja

² Žadan fa riferimento alla poesia di Vladimir Majakovskij (1893-1939) intitolata *Tovarišču Nette – porochodu i čeloveku* (Al compagno Nette, piroscapo e uomo, 1926), dedicata ad un corriere diplomatico sovietico assassinato in Lettonia durante uno dei suoi frequenti viaggi all'estero.

родился. Он, например, ходит в синагогу, а потом прибегает в литературный музей на какие-то поэтические вечера. И вот как, отказаться от такого человека? Сказать, что это не часть харьковской и, шире говоря, украинской литературы, культуры? Ну, я не могу этого сделать. Вот это и есть украинская литература и культура, вот она такая.

Харьков - это важный культурный центр. Харьков считается одним из самых больших русскоязычных центров Украины...

Это тоже не так... Потому что эта русскоязычность Харькова, она всегда сильно преувеличивалась. Она не является настолько плотной и настолько однородной, как, например, русскоязычность Симферополя или даже Донецка. Хотя у меня к Донецку тоже очень много вопросов. В Харькове понятно, что когда ты идёшь по улице, ты слышишь преимущественно русскую речь, но время от времени ты слышишь суржик, время от времени, среди студентов, которые не харьковчане или приехали из области, или приехали из Западной Украины, ты слышишь украинскую речь. Более того, очень часто, когда ты с кем-то говоришь по-украински, с тобой многие пытаются в ответ заговорить по-украински. То есть Харьков, даже если он не украиноязычный, он вполне украинско-лояльный, а это очень важно. Ну, во-первых, да, конечно, несомненно, он студенческий город, для студентов это вообще не проблема перейти с одного языка на другой. Понятно, что все граждане Украины – это билингвы. Это тоже такая штука, с которой нужно примириться. Только небольшой процент, наверное, не может понимать и говорить, например, по-русски, или по-украински. Но мы все просто делаем вид, это такая игра, что на Западе все только украиноязычные, а здесь, на Востоке, все только русскоязычные.

Это присутствие здесь двух языков для меня очевидно, но это нормально и в этом нет никакой проблемы.

Как вы рассматриваете украинский литературный рынок? Какие у него отношения с российским литературным рынком? Что вы думаете об отношениях между этими пространствами?

Здесь, понимаешь, такая штука, что нужно разделять рынок и пространство. С рынком у нас очень сложные отношения, поскольку большинство украинских книжных сетей, магазинов, они принадлежат России, т.е. они контролируются Россией. Они контролируются Россией, соответственно, они распределяют ассортимент. Туда сложно попасть украинскому автору, попадают не все авторы. Вообще, это российские магазины на территории Украины с небольшой частью украинской литературы. Это не нормально ни с точки зрения национальной экономики, потому что преимущество отдаётся иностранному производителю, ни с точки зрения вообще какого-то строительства государства. Потому что это не нормально, когда в стране нет своего рынка сбыта, когда он принадлежит соседнему государству: и это не касается идеологии, это касается бизнеса.

Наши украинские патриоты часто говорят, что русские так здесь присутствуют, потому что у них есть лобби в парламенте. А почему лобби в парламенте – «потому что в парламенте сидят одни русофилы и одни украинофобы». Вот

Rissenberg [n. 1947], è ebreo, come si capisce dal suo cognome. Ed è un patriota ucraino molto attivo, certo, non è un nazionalista, ma sostiene sempre le iniziative a favore dell'Ucraina. Vive qui, è nato qui. Va, ad esempio, in sinagoga, e poi arriva di corsa al museo letterario per delle letture di poesie. Cosa fare allora, bisogna respingere una persona così? Dire che egli non fa parte della letteratura di Charkiv, e, parlando più in generale, della letteratura e della cultura ucraina? Beh, io non posso farlo. E proprio questa è la letteratura e cultura ucraina, eccola qua.

Charkiv è un centro culturale importante. Charkiv è considerata uno dei principali centri russofoni dell'Ucraina...

Anche questo non è esatto... Perché la componente russofona di Charkiv è sempre stato fortemente sopravvalutata. La componente russofona non è così compatta e omogenea quanto lo è, ad esempio, a Simferopol' o, se vogliamo, a Donec'k. Sebbene anche riguardo a Donec'k io abbia molti dubbi... A Charkiv, si capisce, quando cammini per strada senti parlare prevalentemente in russo, ma ogni tanto senti un linguaggio misto, e ogni tanto, tra gli studenti che non sono di Charkiv, o tra quelli che sono arrivati dalla regione, o tra quegli altri che sono arrivati dall'Ucraina Occidentale, senti parlare in ucraino. Non solo, ma molto spesso, quando parli con qualcuno in ucraino, in molti si sforzano di rispondere anch'essi in ucraino. Cioè Charkiv, anche se non è ucrainofona, è completamente lealista nei confronti dell'Ucraina, e questo è molto importante. Beh, in primo luogo, sì, certo, senza dubbio, è una città universitaria, e per gli studenti non è affatto un problema passare da una lingua all'altra. Ed è chiaro che tutti i cittadini dell'Ucraina sono bilingui. Anche questa è una cosa che va accettata. Soltanto una piccola percentuale, forse, non capisce e non parla, per dire, il russo, o viceversa l'ucraino. Tutti noi però ci limitiamo a fingere, come per gioco, che ad ovest ci siano solo ucrainofoni, mentre qui, ad est, tutti siano soltanto russofoni.

La presenza di due lingue per me è un fatto evidente: è una cosa normale e non comporta alcun problema.

Come considera il mercato letterario ucraino? Quali sono i rapporti che lo legano al mercato letterario russo? Cosa pensa del rapporto tra questi due spazi?

Qui, capisci bene, il punto è che bisogna fare una distinzione tra mercato e spazio. Per quel che riguarda il mercato, da noi la situazione non è semplice, in quanto la maggior parte delle reti librerie, delle librerie ucraine, appartiene alla Russia, cioè è sotto il controllo della Russia. Essendo sotto il controllo della Russia, sono loro, i russi, che dispongono l'assortimento. Entrare a farne parte è difficile per un autore ucraino, e non tutti gli autori finiscono per rientrarvi. Si tratta a tutti gli effetti di negozi russi su territorio ucraino, con una piccola parte di letteratura ucraina. Ciò non è normale, né dal punto di vista dell'economia nazionale, perché viene privilegiato un produttore straniero, né in generale dal punto di vista dell'edificazione di uno stato. Perché non è un fatto normale quando un paese non ha un proprio mercato di sbocco, quando quel mercato appartiene a un altro stato: e non si tratta di ideologia, ma di commercio.

I nostri patrioti ucraini spesso dicono che i russi sono così presenti qui perché hanno delle lobby in parlamento. E per quale motivo ci sono le lobby in parlamento: «perché in parlamento ci stanno solo russofili e ucrainofobi». Ecco, di questo non

я не уверен в этом. Я думаю, что дело не в лобби. Я думаю, что всё-таки здесь экономический характер.

Так или иначе, мне кажется, что это конфликтный вопрос, который в любом случае будет как-то трансформироваться, как то решаться. И можно уже сейчас предвидеть, что если вдруг в Украине – не если вдруг, а она когда-нибудь изменится – изменится власть, и начнут как-то нормально регулировать это культурное поле, это вызовет ответную реакцию и это будут какие-то взаимные упрёки. Т.е. нам нужно настраиваться на то, что нам так или иначе с русским книжным культурным рынком, вот этим всем миром, нужно будет как-то договариваться. Нет, не то, чтобы договариваться: «договариваться» это и термин какой-то такой политический. Скорее, находить общий язык. Иначе всё это подвисает.

А что касается самого общества, пространства, мне кажется, на уровне личных контактов проблем-то нет.

Понятно, что русское культурное поле тоже далеко не однородное, там есть свои группы, есть свои какие-то более консервативные тенденции, какие-то свои националистические тенденции, так же как и у нас. Но эти группы, они в принципе не настроены на контакт. А те группы, которые настроены на контакт, я думаю, они легко найдут общий язык и, в принципе, сейчас между актуальной русской и актуальной украинской литературой существуют очень хорошие связи. И на уровне каких-то совместных выступлений, и на уровне совместных переводов и каких-то изданий...

В «Новом мире», например, раньше переводили украинскую прозу. А сейчас публикуют на украинском и на русском, как показатель того, что уже что-то изменилось. Это интересный взгляд, потому что во многих рецензиях можно прочитать: «вот украинский писатель, вот Никитин, вот Жадан, у нас нет таких писателей».

Но, с другой стороны, есть другая крайность. Много тех, кто в России считает, что я не украинский писатель. Они удивляются, когда узнают, что я, оказывается, пишу по-украински, а это переводы. Есть такие крайности и на них, наверное, не нужно обращать много внимания. Мне кажется, здесь чем быстрее мы отойдём от какой-то идеологизации этого вопроса, и будем говорить с точки зрения исключительно культурной, тем будет лучше всем. Потому что у нас вообще украино-российские отношения, сам понимаешь, очень сложные: они всегда были очень сложными, сейчас они особенно сложные, и дальше они будут сложными. Но нельзя эту сложность транслировать на литературу, вообще на культурное пространство. Это совсем другие цели и задачи. Мы же не пытаемся писать стихи лучше, чем пишут их русские поэты – это просто глупо. Мы пытаемся их писать, потому что нам их нужно писать, у нас есть такая необходимость, такая потребность в написании стихов.

sono convinto. Penso che il punto non siano le lobby. Penso che alla fin fine qui la questione sia economica.

Comunque sia, a me sembra si tratti di una questione conflittuale, che in ogni caso in qualche modo si trasformerà e si risolverà. E fin d'ora si può prevedere che se all'improvviso in Ucraina – se non all'improvviso, prima o poi succederà – ci sarà un cambio al potere, e si comincerà a regolamentare in modo normale il settore culturale, ciò susciterà una reazione di risposta e darà il via ad accuse reciproche. Dobbiamo cioè prepararci al fatto che comunque sia dovremo accordarci con il mercato culturale, librario russo. Dovremo trovare un accordo con quel mondo nel suo insieme. No, non trovare un accordo: 'accordarsi' è già un termine politico. Piuttosto, trovare un linguaggio comune. Altrimenti rimarrà tutto in sospenso.

Per quanto riguarda invece la società stessa – lo spazio – a me sembra che sul piano dei rapporti personali non ci siano particolari problemi.

È chiaro che anche il settore culturale russo è tutt'altro che omogeneo, c'è chi ha i propri gruppi, esistono delle tendenze più conservative, delle tendenze più nazionalistiche, proprio come da noi. Questi gruppi, però, in linea di principio non sono orientati al contatto. Mentre i gruppi che sono orientati al contatto penso che troveranno facilmente un linguaggio comune e ora, in linea di principio, tra la letteratura russa di oggi e la letteratura ucraina di oggi i rapporti sono molto buoni. Sia a livello di presentazioni che di traduzioni congiunte, e anche per quel che riguarda le pubblicazioni...

Su Novyj mir, ad esempio, prima traducevano la prosa ucraina. Mentre adesso la pubblicano in ucraino e in russo, a segnalare il fatto che qualcosa è cambiato. È un interessante modo di vedere la cosa, perché in molte recensioni capita di leggere: «prendi, ad esempio, uno scrittore ucraino, prendi Nikitin, prendi Žadan... da noi scrittori così non ce ne sono».

D'altro canto, però, c'è l'estremo opposto. Molti in Russia pensano che io non sia uno scrittore ucraino. Rimangono sorpresi quando scoprono che, io, a quanto pare, scrivo in ucraino, mentre quelle sono traduzioni. Ci sono questi estremi opposti e, probabilmente, non bisogna prestarci molta attenzione. A me sembra che quanto prima smetteremo di ideologizzare in qualsivoglia modo questa questione, e parleremo da un punto di vista esclusivamente culturale, tanto meglio sarà per tutti. Perché da noi in generale i rapporti ucraino-russi, si capisce, sono molto complessi: sono sempre stati molto complessi, ora lo sono in modo particolare, e anche in seguito lo saranno. Ma questa complessità non va trasferita alla letteratura, e allo spazio culturale in generale. Ci sono tutt'altri fini e tutt'altri obiettivi. Noi certamente non cerchiamo di scrivere poesie meglio di come le scrivono i poeti russi: sarebbe semplicemente stupido. Noi cerchiamo di scriverle, perché a noi serve che vengano scritte, sentiamo questa necessità, quest'urgenza di scrivere poesie.

Вы создали новый украинский сленг: русский сленг в Харькове вы перевели на украинский. Какова роль, по вашему мнению, этих процессов культурного перевода в рамках отношений между русскоязычным и украиноязычным пространствами?

Есть такой очень интересный украинский поэт и прозаик Павло Вольвач, он живёт в Киеве. Мы с ним говорили о том, что украинская проза, украинская романистика имеет очень большую проблему: проблему озвучивания. Потому что если ты пишешь, например, роман на украинском языке о Харькове, на каком языке должны говорить твои герои? Это проблема, которая не решается. Потому что я, например, написал «Депеш мод» о Харькове, я написал «Гимн демократической молодёжи» о Харькове, «Ворошиловград» о Харькове и Луганске, и в жизни все мои персонажи, естественно, говорят по-русски. Это русский специфический, это не классический русский, это такой южный акцент, южный вариант. Но это русский. И я эту речь пытался воспроизводить одними методами в «Депеш мод», где больше русизмов, больше какого-то арго, сленга, другими методами в «Ворошиловграде», за счёт какой-то авторской речи. Но, так или иначе, это некоторый компромисс. Я не могу передать прямую речь своего героя, потому что это уже будет русская литература. И, возможно, поэтому мои романы в русских переводах звучат в некоторых местах более естественно. Все понимают, что так они и говорят. Это и есть самая большая проблема украинского романа. А Павло сказал мне очень важную вещь. Я её знал, но он мне её очень чётко сформулировал: она касается украинского кино. Для украинского кино это вообще фатально, потому что кино более, чем литература, должно быть точным, оно должно быть узнаваемым. Когда ты снимаешь кино о современной Украине, о жизни современных городов, и там, в Харькове, например, подростки говорят по-украински, ты этому не веришь. А если ты это делаешь по-русски, это уже не украинское кино. Есть такая вещь, и это тоже часть всей той дискуссии, которую мы здесь ведём. На самом деле давно нужно принять, что Украина не является моноязычной. И если художники хотят как-то фиксировать то, что здесь происходит, как-то это всё показывать, они должны это учитывать, они должны от этого отталкиваться. Это ограничивает, и поэтому, опять же таки, мне интересно то, о чём я говорил тебе в самом начале, вот эта тема правых. Это, наверное, первые субкультуры в восточных мегаполисах Украины, которые являются частично украиноязычными, т.е. они между собой могут говорить по-украински, потом переходить на русский, и опять общаться.

Харків, 7/11/2013.

Lei ha creato un nuovo slang ucraino: ha tradotto lo slang russo di Charkiv in ucraino. Qual è il ruolo, a suo parere, di questi processi di traduzione culturale nell'ambito dei rapporti tra gli spazi russofoni e quelli ucrainofoni?

C'è un poeta e prosatore ucraino molto interessante, Pavlo Vol'vač [n. 1963, Zaporizžja], vive a Kyjiv. Con lui abbiamo parlato del fatto che la prosa ucraina, la scrittura romanzesca ucraina, ha un grande problema: il problema della sonorizzazione. Perché se tu scrivi, ad esempio, un romanzo in ucraino su Charkiv, in quale lingua devono parlare i tuoi eroi? È un problema che non ha soluzione. Perché io, ad esempio, ho scritto *Depeš Mod* e *Hymn demokratyčnoj molodi* su Charkiv, mentre *Vorošylovhrad* su Charkiv e Luhans'k: i miei personaggi, anche nella vita di tutti i giorni, naturalmente, parlano russo. Si tratta di un russo particolare, non di quello classico: un accento meridionale, una sua variante regionale. Ma si tratta comunque di russo. Ed io ho cercato di riprodurlo utilizzando alcuni espedienti all'interno di *Depeš Mod*, dove ho inserito più russismi, per lo più termini gergali e tratti dallo slang, mentre ne ho utilizzato altri in *Vorošylovhrad*, dove ho creato un particolare discorso narrativo. Ma si tratta chiaramente di un compromesso. Non posso riprodurre il discorso diretto del mio eroe, perché se no si parlerebbe di letteratura russa. E forse per questo alcuni brani dei miei romanzi sembrano più naturali in traduzione russa. Tutti comprendono che è proprio quello il loro modo di parlare. Questo è il più grande problema del romanzo ucraino. Ma Pavlo mi ha detto una cosa molto importante. Ne ero a conoscenza, ma lui l'ha formulata in termini molto chiari: riguarda il cinema ucraino. Per quest'ultimo l'effetto è addirittura fatale, perché il cinema, più della letteratura, deve essere esatto, deve essere identificabile. Quando fai le riprese di un film sull'Ucraina di oggi, sulla vita delle città contemporanee, e, ad esempio, a Charkiv gli adolescenti parlano in ucraino, chi lo guarda finisce per non crederci. Ma se passi al russo, già non si tratta più di cinema ucraino. È così, e anche questo aspetto fa parte di quello di cui stiamo discutendo. In realtà già da un pezzo bisognava accettare il fatto che l'Ucraina non è monolingue. E se gli artisti vogliono in qualche modo fissare quello che avviene qui, mostrarlo in qualche modo, devono tenere conto di questo fatto, e prendere spunto da questo. È un fattore limitante e per questo motivo, di nuovo, suscita il mio interesse proprio ciò di cui ti parlavo all'inizio: la storia dei ragazzi di destra. Si tratta probabilmente delle prime subculture presenti nelle megalopoli orientali dell'Ucraina, che in parte sono ucrainofone: quei ragazzi tra loro possono parlare in ucraino, poi passare al russo, e dare seguito alla conversazione.

Charkiv, 7/11/2013.